

Должны ли страны Латинской Америки объединиться? Критика боливарианской революции

Перевод материала от наших товарищей из Politsturm International.

На протяжении нескольких десятилетий латиноамериканская интеграция остаётся одной из часто обсуждаемых тем. Существует несколько левых точек зрения, которые рассматривают её как один из ключевых принципов, подкрепляя эту позицию различными аргументами. В большинстве случаев латиноамериканская интеграция определяется в «боливарианском» смысле — как конфедерация народов, населяющих территории от Мексики до Аргентины и страны Карибского региона.

Несмотря на кажущуюся ясность этой цели, сам лозунг неоднозначно соотносится с социализмом: иногда его рассматривают как необходимое условие для перехода к социализму, а иногда — как естественное следствие социалистических преобразований. Давайте рассмотрим несколько точек зрения и сравним их с другими предложениями по региональной интеграции, чтобы выявить их классовое происхождение.

Истоки вопроса латиноамериканской интеграции

Истоки региональных интеграционных идей в Латинской Америке берут начало в либеральных идеях Франсиско де Миранды [1], одного из главных лидеров борьбы за независимость Венесуэлы, а также ветерана Французской революции и Американской войны за независимость. Ещё до процессов, приведших к обретению независимости, предпринимались попытки как отделения от Испанской империи, так и локальной интеграции.

К первому типу (т. е. отделению от Испанской империи) можно отнести первые восстания коренных народов против колониального господства и последующее восстановление их прежних социальных порядков. Сюда же относятся и попытки некоторых завоевателей установить абсолютную личную власть над колониями.

Второй тип можно назвать скорее локальной, чем региональной интеграцией, так как до испанского завоевания крупнейшими политическими образованиями на территории континента были империи инков и ацтеков, а также некоторые конфедерации монархических общин, объединённых по языковому признаку. Из-за особенностей континента, отсутствия одомашниваемых видов животных и неблагоприятной географии для создания крупных транспортных сетей [2], ни одно из коренных обществ не смогло полностью исследовать территорию континента, что делало невозможным его политическое осмысление в глобальном масштабе.

Ошибка при загрузке изображения

Симон Боливар и его идеи

Первая настоящая континентальная интеграция, хотя и не до конца завершённая, была осуществлена европейскими колониальными державами. Появление революционных движений стало ответом на риск повторного завоевания через региональное объединение. Несмотря на наличие общего врага, процессы независимости не были едиными. Они увенчались успехом, потому что к началу XIX века благодаря реформам Бурбонов непосредственные интересы большинства классов и социальных групп в латиноамериканских колониях совпали, что привело к их слиянию вокруг идеи войны за независимость. Даже Боливар признавал это:

«Лично я больше, чем кто бы то ни был, желал бы создать в Америке великую нацию, которая славилась бы не столько своими размерами и богатствами, сколько свободой и доблестью. Однако, хотя я и мечтаю о самой совершенной форме правления для моей родины, я не в силах уверить себя, что Новый Свет мог бы стать в настоящий момент единой большой республикой, а поскольку это невозможно, я не смею даже думать об этом. Ещё того менее, по-моему, пригодна для Америки единая общая монархия, ибо такой режим, не говоря о его общей негодности, нам тоже не подходит. На указанных выше принципах наши нынешние недостатки исправить нельзя и возрождение невозможно. Американские государства нуждаются в заботах патерналистских правительств, которые залечили бы язвы и раны деспотизма и войны...

Из всего вышеизложенного можно сделать два вывода: американские провинции ведут борьбу за независимость, и в конечном итоге их ждёт успех. Некоторые из них станут, как следует ожидать, федеральными или централизованными республиками; на других больших территориях почти неизбежно образуются монархии. При этом отдельные области постигнет горькая участь: их поглотят другие в нынешних или в будущих революциях, ибо обширную монархию нелегко упрочить, а обширную республику вообще невозможно сплотить.

Я не скрою от Вас, что на решающее сражение с испанцами и создание свободного правления нас, конечно, может подвигнуть союз; однако этот союз станет для нас не чудом, ниспосланным небесами, а результатом активных действий и усилий, направленных на благо народов. Америка разобщена, ибо она изолирована от всех других наций, она одинока в мире, не имеет ни с кем дипломатических отношений, не получает военной помощи и подвергается атакам со стороны Испании, которая располагает большими возможностями для успешного ведения войны, чем мы, хотя мало-помалу и мы изыскиваем нужные средства». —Симон Боливар, Письмо с Ямайки, 1815 г. [4] (перевод: Издательство «Наука» Москва 1983 – прим. ПШ)

На стороне угнетённых трудящихся классов находилась масса коренных рабочих (в основном в горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве), которые боролись за отмену феодальной по своей сути системы энкомьенды (когда испанские колонизаторы получали право на труд завоёванных народов). В то же время африканские рабочие сражались за отмену рабства.

Менее угнетённые слои трудящихся, такие как ремесленники и мелкие фермеры, хотели снижения налогов и отмены принудительных монополий, навязанных испанской короной. Торговцы стремились к открытию торговли с другими европейскими странами. С другой стороны, бывшие правящие классы, землевладельцы, боролись за усиление своего влияния после освобождения от колониальной власти, в то время как ядро роялистов составляли чиновники короны и богатые торговцы, родившиеся в Европе.

Об этом свидетельствует прежняя изоляция каждой из этих групп от других друг от друга, частые восстания коренных народов, которые не имели связи с киломбо или паленке (городами, основанными беглыми рабами), в то время

как торговцы и владельцы плантаций редко открыто выступали против колониального порядка.

Более того, даже после многочисленных провозглашений независимости и победы в соответствующих войнах, эти социальные классы вели гражданские войны за организацию государственного строя и национальных рынков, войны между федералистами и централистами, а также между сторонниками свободной торговли и протекционистами.

Как показывает приведённый выше фрагмент письма Боливара, изначально он не был твёрдым сторонником идеи объединения Латинской Америки в единое государство и был довольно неоднозначен в своих представлениях о том, какую форму оно могло бы принять. Эта цель возникла в новых независимых государствах Центральной и Южной Америки, большинство из которых находились под властью военных лидеров, в последние годы присутствия Испании на континенте [1]. Это не случайность, так как разделение крупных новообразованных государств произошло лишь спустя несколько лет.

Военная ситуация, как мы уже упоминали, благоприятствовала попыткам интеграции, но колониальная инфраструктура была главным препятствием на пути как к интеграции, так и к созданию государств, возникших после раздела освобождённых территорий. Экономика колоний была в основном ориентирована на производство сырья и товаров первой необходимости для метрополии, что создало транспортные сети, которые не подходили для создания национальных рынков.

После того как большая часть континента стала формально независимой, Хосе Марти возродил идеи Боливара, связав их с вопросом освобождения Кубы от Испании в конце XIX века. Мысли Марти стали основой для кубинских националистов, которые боролись за прекращение колониального статуса острова, ставшего позднее колонией США, а не независимым государством.

В первой половине XX века некоторые латиноамериканские марксисты изучали процессы борьбы за независимость, чтобы понять их классовое содержание, определить преемственность классовой борьбы того периода в новых капиталистических условиях и извлечь уроки для рабочего движения. К сожалению, некоторые из них некритически впитали шовинистическую пропаганду своих государств, предпочитая поддерживать свои национальные мифы, вместо того, чтобы отделить шовинизм от фактов.

«[...] Нации встают и приветствуют друг друга. «Кто мы?» — это взаимный вопрос, и мало-помалу они дают ответы. Когда в Кохимаре возникает проблема, они не ищут её решения в Данциге. Фрак всё ещё французский, но мысль начинает быть американской. Молодёжь Америки засучивает рукава, погружает руки в тесто и заставляет его подниматься в поте лица. Они понимают, что слишком много подражания, и что творение хранит ключ к спасению. «Творить» — это пароль этого поколения. Вино сделано из подорожника, но даже если оно прокиснет, это наше собственное вино! То, что форма правления страны должна соответствовать её естественным элементам, — предрешённый вывод. [...]

[...] Самоочевидные факты проблемы не следует затушёвывать, потому что проблема может быть решена ради мира на века путём соответствующего изучения и молчаливого и немедленного союза в континентальном духе. В один голос гимн уже поётся; нынешнее поколение несёт трудолюбивую Америку по дороге, обогащённой их возвышенными отцами; от Рио-Гранде до пролива Магеллана, Великий Полумесяц, верхом на своём кондоре, распространяет семя новой Америки по романтическим народам континента и печальным островам моря!»—Хосе Марти, Наша Америка, 1891 [5].

В Колумбии основателем боливарианского направления в марксизме был Хильберто Виейра. В 1942 году он написал статью, в которой критиковал работу Маркса о Боливаре, опубликованную в «Новой американской энциклопедии» в 1858 году. В своей статье Виейра переоценивает роль Симона Боливара в изгнании испанцев из их колоний на севере Южной Америки, называя это его «славным восхождением». Сначала Виейра пытается игнорировать классовое происхождение Боливара (крупнейшего владельца плантаций в Венесуэле) как значимый фактор в его революционной деятельности, но позже признаёт его определяющим элементом в управлении Великой Колумбией — единым государством, включавшим территории современных Колумбии, Венесуэлы, Эквадора, Панамы и части Перу, Бразилии и Боливии, что Виейра рассматривает как вторую стадию упадка [6].

Ошибка при загрузке изображения

Для Виейры Боливар был блестящим военным лидером, пожертвовавшим своим личным состоянием ради независимости, но не сумевшим управлять новыми территориями, потому что он «видел только поверхностные явления» колониальной ситуации. После того как Боливару не удалось построить процветающее государство — Великую Колумбию, — разочарование сделало его жертвой собственного образа и влияния своего класса [6].

Нам важно понимать, что классовый характер человека или группы — это не добровольная черта, и её нельзя отбросить, пожертвовав личными интересами ради идеалистической цели. Классовая принадлежность определяется социальным контекстом, в котором живут и действуют люди и группы, исходя из их образа жизни и имущественных отношений, что и формирует их мышление и поведение.

У Боливара не было чёткой экономической программы, кроме той, что строилась на колониальной системе, от которой он получал выгоду. У него также не было продуманного политического проекта для Великой Колумбии. Он сначала пытался создать республику, но когда это потерпело неудачу, начал управлять так же, как его семья управляла плантациями какао.

Кроме того, Виейра в своей статье защищает некоторые ревизионистские идеи, в том числе один из их лозунгов:

«[Т]е, кто считает себя учениками Маркса, всегда помнят предупреждение учителя о том, что их система — не догма, а руководство к действию» [6].

Конечно, любая научная теория — это скорее «руководство к действию», а не «догма». Но это не означает, что её можно опровергать без доказательств или игнорировать по желанию тех, кто пытается её применить.

Вторая ревизионистская идея в статье заключается в том, что лидеры докапиталистических революционных движений могли появляться только из привилегированных классов из-за невежества бедных слоёв. Таким образом, Виейра отрицает возможность появления других лидеров в этих процессах и возвращается к устаревшему взгляду на историю как на результат действий героев, чрезмерно преувеличивая роль индивидуального лидера над восставшими массами.

Средневековые крестьяне не смогли возглавить процесс отмены феодализма, так как их непосредственные интересы не были качественно противопоставлены феодальной системе. Эту роль смогли выполнить купцы и владельцы мастерских. Точно так же современные промышленные рабочие каждый день заняты в крупномасштабном кооперативном и координированном производстве, что фактически опровергает любые попытки оправдать конкуренцию и личную выгоду как главные двигатели прогресса,

как это было в первые десятилетия индустриализации.

Последняя ревизионистская идея Виейры заключается в том, что он приравнивает антиколониальную борьбу начала XIX века к современной антиимпериалистической борьбе в условиях всемирно распространённого капитализма. В статье утверждается, что борьба Боливара за национальное освобождение остаётся незавершённой, так как полная национальная независимость тогда не была достигнута.

Последняя часть — это просто ещё один классический трюк реформистов, которые ставят промежуточные этапы перед социализмом, фактически отбрасывая его, когда страна полностью интегрируется в мировой рынок и осуществляет собственное промышленное производство.

Иными словами, указывание на некую «особенность» или «полуфеодальный» характер национальной экономики, чтобы оправдать необходимость ещё одной буржуазно-демократической революции при уже существующей капиталистической основе — это то же самое, что делали меньшевики в 1917 году, подчинив классовые интересы рабочих части буржуазии. Такое смешивание двух принципиально разных процессов лишь приведёт к повторению прошлых ошибок — ожиданию межклассового союза перед вступлением в антиимпериалистическую политическую борьбу или представлению о том, что наши страны зависят от одной метрополии, а не от системы, в которой в разной степени выражены местные и мировые экономические отношения зависимости.

Кубинская революция, геваризм и его влияние на латиноамериканскую интеграцию

После Кубинской революции 1959 года боливарианские идеи, заимствованные из работ Марти и смешанные с идеологиями «третьего мира», стали популярными среди левых движений Латинской Америки. Это привело к волне авантюристского эклектизма, которая объединила различные формы национализма, индихенизма, троцкизма и других течений. Однако наиболее ярко среди них проявился геваризм [8].

Сам Че Гевара рассматривал латиноамериканскую интеграцию через призму взглядов лидеров движений за независимость. Он видел общее колониальное прошлое и его остатки в виде экономических проблем Латинской Америки — таких как неравенство внутри стран и сохранение крупномасштабного сельского хозяйства — как главную основу для региональной интеграции. Более того, Гевара считал, что испаноязычное наследие региона является объединяющим фактором, важным для координации между бывшими колониальными странами [9].

Мы можем заключить, что Гевара, как и другие теоретики латиноамериканизма, придерживался «третьемирового» взгляда на империализм, в котором национальное угнетение ставилось выше классового, а региональная специфика использовалась для оправдания регионализма. Кроме того, одной из ключевых особенностей его теорий была вера в сознание как средство преодоления материальных ограничений. Это отразилось на его недостаточно глубоком анализе необходимых условий для создания наций.

Геваризм не только привёл к появлению партизан-авантюристов, которые изолировали себя и наиболее активную революционную молодёжь от рабочих

масс, но и, в конечном итоге, был побеждён милитаристскими реакционными правительствами. Это политическое направление было воспринято несколькими ревизионистскими и немарксистскими движениями и в некоторой степени стало объединяющим фактором среди них, хотя это единство было частичным, и внутри этих движений часто вспыхивали ожесточённые конфликты.

Примером таких последствий стало создание Montoneros в Аргентине, партизанской городской организации, возникшей на пересечении и смешении левого перонизма, теологии освобождения и геваризма [8]. Montoneros были разгромлены как государственными силами, так и правыми перонистами и стали основным оправданием для государственного террора в Аргентине между третьим правительством Перона и военной диктатурой, завершившейся в 1983 году.

Другим интеграционистским течением был индихенизм, который невозможно полностью отделить от других направлений из-за их эклектизма. Индихенизм, о котором мы говорим, берёт начало в трудах Хосе Карлоса Мариатеги, который утверждал, что в империи инков существовал коммунизм. Это было результатом его путаницы (с оттенком расизма) между общинным трудом и управлением землёй в империи инков и коммунизмом как бесклассовым индустриальным обществом, которое мы стремимся построить [10].

Очевидно, что общинные формы производства существовали почти во всех классовых обществах, не делая их коммунистическими — от общинных земель в Древнем Риме до современных кооперативов. Это не значит, что мы должны обязательно противостоять этим формам производства. Их можно поддерживать и расширять как основу для интеграции мелкого производства в социалистическую экономику, но они не могут заменить полную социализацию крупного производства, и сами по себе не являются формой социализма.

Несмотря на верное описание процессов независимости (с учётом ограниченности данных того времени), Мариатеги утверждал, что в странах Латинской Америки не существовало буржуазии, поскольку элиты, которые интегрировали эти страны в глобальный капитализм, были феодальными землевладельцами, назначенными колонизаторами.

Экономика Перу, которую он описывал, отражала продолжающуюся индустриализацию бывшей колониальной добывающей экономики и её полную интеграцию в мировые и региональные рыночные системы. Перуанская экономика была по сути капиталистической, хотя и сохраняла некоторые феодальные формы.

Мариатеги называл перуанскую экономику полуфеодальной, что было типичной чертой для многих ревизионистских лидеров того времени. Они преувеличивали эту уходящую отсталость, считая, что необходимо завершить буржуазно-демократическую революцию перед началом борьбы за социализм.

В качестве примера прогрессивного внедрения капиталистического общества он приводил английскую колонизацию Северной Америки, несмотря на более агрессивное уничтожение коренного населения. Но ещё более вредной была его ошибочная трактовка империи инков, которая привела к тому, что некоторые движения начали выступать за возврат к этому уже устаревшему обществу, а некоторые даже стали намеренно подражать фашизму — как, например, этнокасеристы в Перу, назвавшие своё движение в честь лидера античилийского сопротивления [11].

Венесуэльский чавизм и современные интеграционные инициативы в Латинской Америке

Сегодня главным представителем интеграционных идей в Латинской Америке является чавизм и его местные союзники-реформаторы. Мы уже разбирали природу чавизма, его истоки и неизбежные результаты, поэтому здесь сосредоточимся на кратком анализе его интеграционных попыток.

Начиная с 1980-х годов, в Латинской Америке появилось несколько инициатив по созданию общего рынка, но только в 1990-е годы либеральные идеи свободной торговли получили массовое распространение. Параллельно с панамериканским НАФТА (Североамериканским соглашением о свободной торговле), предложенным Джорджем Бушем в 1990 году, несколько южноамериканских стран в 1991 году подписали договор о создании Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР).

Кроме того, в этот период было заключено множество двусторонних соглашений о свободной торговле по всему региону. В основном эти соглашения касались снижения тарифов, а иногда и смягчения пограничного контроля, что происходило без создания наднациональных структур.

С созданием МЕРКОСУР страны Латинской Америки сформировали региональный торговый блок и получили возможность вести переговоры с Соединёнными Штатами на более равных условиях, тогда как США предпочитали обсуждать условия с отдельными странами или субблоками [13]. ОАГ (Организация американских государств) при этом служила политическим инструментом США для санкционирования и исключения тех стран, которые пытались выйти из-под их влияния.

Очевидно, противопоставляя себя этой либеральной интеграции, правительство Венесуэлы во главе с Чавесом создало три структуры, направленные на «реальную интеграцию» Латинской Америки: ALBA-ТСР (Боливарианская альтернатива для народов нашей Америки — Народное торговое соглашение, 2004), UNASUR (Договор о союзе южноамериканских стран, 2008) и CELAC (Сообщество латиноамериканских и карибских государств, 2001). Эти инициативы в их начальные годы активно поддерживались реформаторскими правительствами региона [14].

Интеграционные инициативы чавистов не сильно отличались от предыдущих либеральных соглашений; их основное отличие заключалось в риторике. Вместо использования термина «транснациональные корпорации», они говорили о «крупных национальных компаниях», которые призваны «сломать логику накопления капитала» через «справедливую торговлю» и согласованные решения на основе солидарности и доброй воли. Согласно этой риторике, «крупные национальные компании» служат более масштабной цели «укрепления суверенитета наших народов и прокладывания пути к социализму».

Эта риторика черпала вдохновение из утопического социализма и мутуализма XIX века, которые продвигали концепцию «социальной экономики» как альтернативу капитализму. Риторическим прикрытием этих инициатив был, конечно, социальный либерализм Симона Родригеса, учителя Боливара, а также эклектичное прославление нескольких бунтарей и героев субконтинента.

Исторические личности, не связанные с Боливаром, в этих инициативах чаще всего просто упоминались без объяснения их контекста, независимо от их взаимных позиций или роли в движениях за независимость. Это больше напоминало список покупок, чем серьёзный исторический анализ. Плохо понятый антиимпериализм стал ещё одним элементом этих интеграционных предложений: стандартная для стран Третьего мира идентификация блока США-Европа с империалистической системой сопровождалась полным отсутствием глубокого анализа экономических и исторических процессов империализма [14].

Как следствие, по мере ослабления реформистской волны в регионе, эта «интеграция» потеряла свою первоначальную поддержку. Намеренно двусмысленные и плохо составленные документы этих структур ясно показывали, что любые положительные результаты могли быть лишь следствием случайности. В 2021 году оставшиеся у власти лидеры-реформаторы подписали Манифест Группы Пуэбла, в котором вина за фактический распад региональной интеграции возлагалась на политическое вмешательство США, а «гибридные войны» и правовые процессы осуждались как средства такого вмешательства [14]. Из-за своего эклектизма латиноамериканская социал-демократия оказалась совершенно неспособной к самокритике и объективной оценке причин своих неудач. Да, вмешательство США существует, но оно не может быть единственной причиной провала реформистских проектов.

Ленин уже предупреждал нас о подобных ситуациях, которые вовсе не являются чем-то новым в политике капиталистического мира:

«С другой стороны, социалисты угнетённых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетённой нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстаивать самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии. Ибо буржуазия угнетённых наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций (например, поляки в Австрии и России, входящие в сделки с реакцией для угнетения евреев и украинцев); во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.)».—В.И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение, 1916.

Заключение

Учитывая растущую зависимость Венесуэлы от иностранного капитала из Китая и других «альтернативных империализмов», а также от компаний вроде Chevron, связанных с традиционным империализмом США, о чём мы уже писали ранее, цитата Ленина отлично отражает суть интеграции, предлагаемой чавизмом. Более того, как мы уже показали на примере региональных соглашений о свободной торговле 1990-х годов, лозунг интеграции сам по себе не несёт ни революционного, ни антикапиталистического содержания. Даже сегодня такие империалистические институты, как Всемирный банк, продолжают поддерживать эту идею [15], и изменение формулировок с помощью риторики левого толка приведёт лишь к незначительным изменениям.

Что касается других интеграционных перспектив, упомянутых выше, то очевидно, что они не анализируют развитие капитализма в зависимых странах. В каждом природном или социальном явлении существуют законы, управляющие его внутренним развитием и взаимодействием с окружающей средой; некоторые из этих законов более значимы, чем другие. Кроме того, особенности конкретного явления не отменяют его фундаментальной структуры и, соответственно, действия тех же законов, которые определяют другие случаи.

На конкретном примере борьбы за социализм в различных странах, в том числе зависимых, Сталин объяснил её суть следующим образом:

«Вы говорите о каком-то китаизированном социализме, такого нет в природе. Нет социализма русского, английского, французского, немецкого, итальянского, как нет и китайского социализма. Есть один социализм марксистско-ленинский. Другое дело, что при построении социализма необходимо обязательно учитывать специфические особенности той или иной страны. Но социализм – это наука, обязательно имеющая, как и всякая наука, общие закономерности, и стоит лишь отойти от них, как построение социализма обречено на неизбежную неудачу». — И.В. Сталин, Из беседы с делегацией ЦК КП Китая в Москве, 1949 г. [16].

Можно сделать общий вывод, что региональная интеграция в любой стране является лишь буржуазным или мелкобуржуазным лозунгом, который отвергает подлинный пролетарский интернационализм и заменяет его шовинизмом.

При капитализме успешные примеры региональной интеграции являются результатом появления местных империалистических держав, которые чаще всего выступают посредниками между мировыми империалистическими центрами. Конечно, как коммунисты, мы должны изучать историю рабочего движения в нашей собственной стране, чтобы извлечь уроки, которые помогут нам в сегодняшней борьбе. Однако мы не должны допускать ошибку, ожидая, что события будут развиваться в современных условиях капитализма так же, как это происходило в прошлых исторических контекстах.

Если вы хотите помочь в построении всемирного коммунистического движения, которое будет правильно изучать и решать современные проблемы капитализма, избегая при этом штампов, присоединяйтесь к нам.

Источники:

1. www.clacso.edu.ar — «Концепция интеграции и дискурса Симона Боливара «Перспективы для настоящего» — 2008 г.
2. Jared Diamond - «Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ» — 1997.
3. www.opened.cuny.edu — Америка. Обзор
4. www.hursthistory.org — Симон Боливар — “Письмо с Ямайки” — 1815 г.
5. www.writing.upenn.edu — Хосе Марти — «Наша Америка» — 1 января 1891 г.
6. Gilberto Vieira, Sobre la estela del Libertador: El criterio marxista acerca de Bolívar, 1942.
7. www.britannica.com — «Великая Колумбия»

8. Отеро, РС — «Латиноамериканизм, перонизм и гуваризм. Корни антиимпериализма Монтонеро» —Том 1 № 56 (2017): Весна (октябрь-декабрь).
9. Университет Гранмы. Куба — Мануэль де Хесус Вердесия Тамайо, Хосе Педро Сальгадо Эрнандес, Лидия Анекси Гомес Лима, Изабель Антония Заек Монтеро — Статья «Латиноамериканизм Эрнесто «Че» Гевара. Некоторые примечания» — MILLCAYAC - Цифровой журнал социальных наук / Том V / № 9 / 2018 г.
10. Хосе Карлос Мариатеги — «Семь интерпретационных эссе о перуанской реальности. Эссе третье: Проблема земли».
11. Уильям Забарбуру Гоньяс — «Этноохота: Левиафан в Андах?»
12. www.latercera.com — «Античилийская идеология Антауро Умалы: этнокацериста, свободного в Перу» — 22 августа 2022 г.
13. EIPA — Эдвард Бест «Проблемы интеграции в Латинской Америке».
14. Гальперин, М. — «Истинная» латиноамериканская интеграция или повторяющаяся коллективная фантазия» — 22 декабря 2021 г.
15. World bank group — «В отчете Всемирного банка говорится, что более глубокая интеграция имеет жизненно важное значение для роста в Латинской Америке и Карибском бассейне» — 14 марта 2017 г.
16. И.В. Сталин. полное собрание сочинений, т.18 — «Из беседы с делегацией ЦК КПК в Москве 11 июля 1949 года»

Оригинальная статья